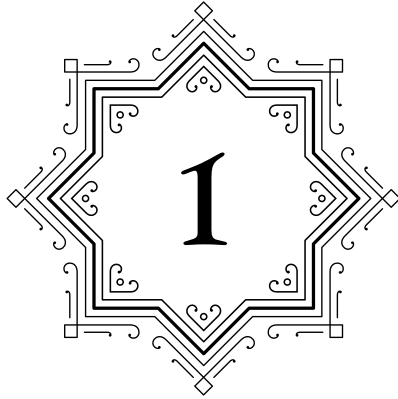

Плейлист

Хотите читать под музыку, чтобы глубже погрузиться в волшебный мир? Тогда включайте этот плейлист!

1. If I Had A Heart — Rachel Hardy
2. Wolves Without Teeth — Of Monsters and Men
3. Ice Queen — Within Temptation
4. No Light, No Light — Florence + The Machine
5. Lullaby of Silence — Jenia Lubich
6. Hands — Jewel
7. Every Breath You Take — The Police
8. Stand My Ground — Within Temptation
9. To Be Human — Marina
10. Nemo — Nightwish

МОРОЗКО

Снег мягко кружился и падал на вымощенный камнем внутренний двор замка, при этом создавая атмосферу безмятежности и гармонии. Лишь одна деталь нарушала этот покой — тело, которое дергалось под каблучком Морозко.

Смертный жалко поскуливал и скреб пальцами по льду, ломая свои ногти в тщетных попытках спастись от гнева короля.

Горный ветер трепал Морозко волосы и щеко-тал холодом нос.

— Лежи смирно. Все уже в своей крови изво-зил. — Нахмурившись, Морозко кивнул словно самому себе на кровавые брызги, которые запят-нали все сугробы вокруг алым цветом. Смертному недолго оставалось молить о пощаде, потому что он оказался подлой крысой.

Убийство Ледяного Короля

Мало того что он шастал у замка, хотя всем было известно, что без приглашения это было строго запрещено, так этот крысеныш вместе со всеми остальными жителями деревни Винти еще и решили вопреки вековой традиции не проводить церемонию. Это показательное событие ставило под угрозу нечто большее, чем одну лишь гордость Морозко. В итоге праздник-то они устроили, вот только забыли про главную его часть: жертвоприношение.

Винтийцы, вероятно, посчитали себя самыми умными, танцуя вокруг костра, распивая алкоголь и объедаясь угощениями, ведь сегодня они чувствовали кровь, которую даже и не подумали пролить. Выставили на всеобщее посмешище его и всю Фростерию заодно.

Теперь Ледяному Королю надо было со всем этим разобраться.

Все же как было хорошо, что Морозко отправил на торжество посла, да еще приставил к нему капитана королевской гвардии Андраса.

Андрас свою роль исполнил прекрасно, поймав трепыхающегося мужичка и притащив его к Морозко на допрос — или на расправу, если тому так будет угодно.

Король надавил сапогом сильнее, и жизнь потоком хлынула из раны в боку человечешки. Мясо, отслаиваясь, обнажило мышцы и кости уже порядком ослабевшего мужчины.

— Я... я уже рассказал все капитану, — с кашлем прохрипел мужчина, — это староста решил отменить жертвоприношение. Многие из нас не хотели вас сердить, но мы в недавнем шторме потеряли слишком много скота. — Его тело свело судорогой боли. — Прошу вас, сир, умоляю, пощадите. Мы думали...

— В том-то и ваша вечная проблема, смертный. Вы вообще не думали. Ни один из вас. Могли бы просто бросить на алтарь одного человека вместо зверя, и дело с концом. — Убрав ногу с мужчины, Морозко отвернулся и отошел к капитану стражи. Алые волосы Андраса трепал ветер, но сам он даже не моргнул, когда Морозко вытащил из его ножен меч.

— Но винтийцы даже этого сделать не смогли. И они за это поплатятся. Вот с тебя и начну. — Морозко прищурился, чувствуя, как внутри клокочет ярость.

После того как они убили его мать, он ничего у них не просил, кроме одного — проводить церемонию — ритуал, — на которой им нужно было приносить в жертву животное на алтаре, дать крови стечь, окропить ею землю и произнести требуемые ей слова. *«Пусть эта кровь насытит тебя. Пусть эта кровь удовлетворит тебя. Мы добровольно проливаем ее в память о жизни твоей»*. Ну, конечно же, Маранна ожидала поклонения даже после смерти. И это было очень ожи-

Убийство Ледяного Короля

даемо. Он даже мысленно фыркнул, подумав об этом.

Мать Морозко была жестокой и несправедливой правительницей, за что смертные ее свергли и убили. Если бы она заранее не спрятала Морозко в ледяной пещере, он бы тоже, наверное, лишился своей жизни. Но приставленные к нему стражники пожалели его, защитили и пообещали народу, что он будет другим, не похожим на свою мать. В каком-то смысле так и было.

Смертный хлопнул рукой по земле, с трудом поднимаясь на ноги, и пошатнулся.

— Прошу пощады, ваше величество, умоляю.

Морозко посмотрел в глаза капитану, наблюдающему за этой тщетной и глупой попыткой побега. Дернув плечом и закусив губу, он развернулся на каблуках и резко метнул меч, который просвистел в воздухе, крутясь волчком, и с отвратительным хлюпающим звуком вонзился в спину мужчины. Тот рухнул на лед, мелко содрогаясь, и, наконец, замер.

— Как жаль, что твоя кровь бесполезна и никого не спасет. — Увы, тело было не на алтаре, да и ритуальные слова здесь никто не произнес. Скривив губы, Морозко отвернулся. — Отруби ему руку и проследи, чтобы винтильцы получили дар моей *благодарности*. Вместе с четкими указаниями провести церемонию не позднее чем через неделю. А, да... и приберись тут. — Когда Морозко

отошел от капитана, ему на глаза упали пряди белых волос, которые окрасились алым. С оскалом он утер лицо, так же усеянное россыпью красных брызг. Сколько же грязи от этого смертного. Вздохнув, он направился к входу в замок, где двое стражников приветственно распахнули перед ним тяжелые двери из черного дерева.

— Почта пришла, ваше благородие. Ждет вас в кабинете. — Ульва, одна из его служанок, сделала быстрый реверанс и испарилась в длинном петляющем коридоре.

Письма от крестьян из деревни, а может, и от знатных вельмож, пытающихся сбавить ему своих дочерей и уверяющих, что волосы у них самого настоящего сияющего золотого цвета. Ему нужна была не жена, а игрушка. *Этих-то* ему всегда было мало.

Тяжелые шаги Морозко разлетались по мраморному полу и эхом отзывались от стен. Даже мысли о теплом женском теле под ним не могли отвлечь его от тяжелых размышлений. Тупые смертные понятия не имели, *почему* жертвы нельзя было прекращать приносить.

Нахмурившись, он отметил, что Ксезу, его распорядителя, нигде не было видно. У них было множество дел, к целому *празднику* пора было начать готовиться, где же его носит?

Пока никого не было рядом, у него оказалось время подумать о неповиновении. Речь тут шла не

Убийство Ледяного Короля

только о его уязвленной гордости. Терпение Морозко таяло под напором тревоги, словно плотина, готовая вот-вот прорваться и залить собой все вокруг. Смертные не знали, какую непопозволенную глупость они совершили. Весь их мир мог рухнуть от одной-единственной ошибки.

Стиснув зубы, он обвел глазами вестибюль и главную лестницу, все еще не услышав ни единого звука от Ксезу.

— Да куда подевался этот смертный? — взревел Морозко, откидывая плащ за спину, чтобы не путался под ногами.

Ему совершенно не хотелось сейчас думать о матери или о проклятии, которое она перед своей смертью наложила на эти земли. Да, королева защитила его от опасности извне, но это еще не означало, что он был в безопасности *от нее самой*. Материнского инстинкта у нее явно не наблюдалось.

Отца своего Морозко никогда не знал. Тот вообще прожил совсем недолго после зачатия ребенка, потому что Маранна пронзила его сердце ледяным клинком. Этим фактом она частенько хвасталась перед своими подданными.

Для Маранны сын был лишь еще одним подчиненным, еще одной полезной пешкой в большой игре. Способом продолжить род и укрепить свое правление над землями.

Сердце Морозко ее смерть даже не тронула, а вот кровь *еще как* вскипела, потому что люди

посмели восстать против своих господ — а значит, и против своего принца.

— Ксезу! — рявкнул он, призывая распорядителя.

Из-за угла выскочил мужчина среднего возраста. Аккуратно заплетенная коса из длинных темных волос перевалилась через плечо, когда он поклонился в пояс. У уголков глаз уже начали собираться морщинки, но в остальном его загорелое лицо было гладким.

— Ваше величество.

Обычно распорядитель Фростерии марал руки, чтобы этим не приходилось заниматься Морозко, но это еще не означало того, что король был выше этого. Прямым доказательством сейчас служило то, что кровью были перемазаны именно его пальцы и волосы. Но Ксезу был его правой рукой, и этот человек всегда делал все, что от него требовалось.

— К сожалению, смертные решили, что они здесь самые умные, и не провели ритуал. — С сухой саркастической усмешкой на лице он подошел к Ксезу. — А ты знаешь, что это значит. — Во взгляде распорядителя мелькнуло удивление, а может, даже испуг. Смеяться Морозко сейчас хотелось в последнюю очередь, но он отказывался показывать растущую внутри себя подступающую панику. Он боялся даже допускать мысли о том, что печать, которую расшатала его дражайшая мать, могут потревожить *другие*. Он почти мог уже

